

винявшего христианство в том, что его идеалом являются аскетизм, гроб и мощи (см. [8, с. 102]). В христианстве “нерв выдернут” из жизни, писал Розанов (что, заметим, сродни оскоплению), противопоставляя ему жизненность и плодovitость иудейства: “Иудей ест желток того пасхального яичка, скорлупу и белок которого составляет эллинизм...” [9, с. 566]. Отсюда тоже могли появиться “хладные скопцы” в византийском стихотворении.

Сравним с брошенной мимоходом фразой в “Египетской марке”: “Юдифь Джордоне ускользнула от евнухов Эрмитажа” [2, с. 75]. Тут надо учесть этимологию: Hermitage от hermite, святой отшельник.

Вряд ли отношение поэта к Византии могло улучшиться к тридцать пятому году, когда советский режим стал столь отчетливо “византизироваться” и “отуретчиваться”, вообще проектироваться на некую обобщенную модель восточной деспотии. Поэтому уже в первой строке “Волн” Мандельштам уравнивает гибнущую империю с побеждающей: “волной волне хребет ломая”. Заметим, что “ломание хребта” – было любимой “бескровной” казнью у монголов-чингизитов, – применяемой, в основном, к своим, чью кровь проливать запрещал закон.

История падения Константинополя интересна Мандельштаму не сама по себе, а в ее таинственной связи с русской историей. Мистика истории сродни мистике слова: “В игольчатых, тонких бокалах/Мы пьем наваждение причин”. Прозревание одного события сквозь другое, тем исторического возмездия, характерны для символистского мировоззрения. Сравним, например, с сонетом Йейтса “Леда и Лебедь”:

A shudder in the loins engenders there
The broken wall, the burning roof and tower
And Agamemnon dead.

(“Leda and the Swan”, 1926)

[Содрогание чресел порождает
разрушенные стены, горящие крыши и башни
и гибель Агамемнона.]

Йейтсу в момент зачатия Елены уже видятся разрушенные стены Трои. Мандельштам, наоборот, в гибели, предсмертной судороге города провидит зачатие от византийской (почти троянской) принцессы династии русских царей и новые стены Кремля: “неначатой стены мерещатся зубцы”.

3. ВЕЕР СМЫСЛА

Морской пейзаж, батальный эскиз, историософия – казалось бы, достаточно. Однако “Волны” можно прочесть еще в одном плане: как метафору

самого процесса стихописания. Сравним начальную строку –

Бежит волна, волной волне хребет ломая, –

с цитатой из “Разговора о Данте”: “Смысловые волны-сигналы исчезают, исполнив свою работу: чем они сильнее, тем уступчивее, тем менее склонны задерживаться” [2, с. 215]. Или с мандельштамовским определением прозы Хлебникова как “наплыва образов и понятий, вытесняющих друг друга из сознания” [2, с. 290]⁵.

Использование атаки, штурма как развернутой метафоры стиховой речи, само по себе шаблонно. Этот воинственный образ применяли все поэты, начиная с Пушкина (“Домик в Коломне”) и кончая Маяковским: “Умри мой стих, умри, как рядовой,/ Как безымянные на штурмах мерли наши!” Мандельштам тоже склонен к военной терминологии: “колонки стихов текут свободно, как солдаты летучими батальонами” [2, с. 15]; он постоянно говорит об “орудийных средствах”, “поэтических батареях” и т.д.

В этом контексте “султаны мнительные”, которые посылают слова в атаку, – конечно, сам автор; эпитет принадлежит ему по праву, ибо мнительность поэта при отборе слов тысячекратно превосходит такую же хозяина гарема. Кроме того, если бы поэту не мнилось, не мерещилось – то и стихотворения бы не было.

Выражение “кидаясь на луну” в таком контексте ясно без объяснений (луна и поэт). Янычары вместо просто “солдат” – замечательное, если вдуматься, определение слов: все они взяты от разных языков, и все верно служат языку новому. Наконец, последняя строка передает отчаяние и муки стихосложения (“хладные скопцы” – сомнения разума, отравляющие восторги воображения).

Интересно отметить, что в прозе Мандельштама (где находятся многие “ключики” к его поэтическим образам) есть уже случай совмещения батальной и византийской тем с темой поэтического языка и стиля. В статье “Заметки о поэзии” (1923, 1927) речь идет одновременно о поэзии, о войне и о Византии. “В поэзии идет война, – утверждает Мандельштам. – Корни слов воюют в темноте, отнимая друг у друга пищу и земные соки” [2, с. 207]. Конкретнее, “на военном поле поэзии” идет борьба русской мирской речи с церковно-славянской, византийской грамотой. По Мандельштаму, “первые интеллигенты – визан-

⁵ Сходным образом ощущали творческое вдохновение и другие поэты. Например, Баратынский:

Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон.